

У2
Г96

Три повести
из жизни
Петра
Анохина

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ

PetrCGB 88078332

Листок срока возврата
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

2632	
22446 70078	
1312 12/11	
6579 - 18/001	
557.7	12.12.

Воск. тип. Т. 2,000,000 З. 4961-66

Р
Г96
Д М И Т Р И Й Г У С А Р О В

210539
Три повести
из жизни
Нейра
Анохина

КАРЕЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСК 1968

10

09

93

ВЫЗОВ

ПОВЕСТЬ О ЮНОШЕСКОМ ПОРЫВЕ

«Мальчишка — я!» Но знайте —

муж стальной

В мальчишке том стараньем вашим зреет...

Спасибо вам: спознался я с тюрьмой,

Она во мне кой-что посеет

И не на радость вам такой посев взойдет!..

.....

(Из стихов, обнаруженных в архивах
Олонецкого жандармского управления.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Вчера вечером я и мой сослуживец Иванов были на пароходной пристани при отходе парохода в гор. Петербург и после отхода пошли домой... Хотя мы состоим жандармскими унтер-офицерами, но носим штатское платье; вчера на пристани мы были для исполнения возложенных на нас обязанностей. Когда мы стали подыматься в гору, то увидели шедшего за нами Петра Анохина, которого мы знали, так как он состоял разносчиком «Олонецких Губернских Ведомостей», и Анохин нас знал...»

Из показаний свидетеля Алексея Ишанькина
12 августа 1909 г.

(ЦГВИА, фонд 1351, опись 12, дело 221, лист 59)

Одиннадцатого августа 1909 года помощник начальника Олонецкого губернского жандармского управления подполковник Константин Никанорович Самойленко-Манджаро проводил в Петербург жену и дочь. Прямо с пристани он направился на квартиру к артиллерийскому приемщику при Александровском снарядолитейном заводе штабс-капитану Межинскому, куда был зван на преферанс.

Однако в этот вечер игра не состоялась. Партнеры — командир петрозаводского отряда пограничной стражи ротмистр Фирсов и управляющий олонецкой контрольной палатой действительный статский советник Челябин, как сговорившись, опоздали чуть ли не на час.

Квартирных телефонов у них не было, но хозяин дома, не зная, как выйти из неловкого положения и чем занять важного гостя, то и дело бросался к аппарату, куда-то звонил, кого-то спрашивал, что-то пытался предпринять и, не дождавшись результатов, бросал трубку, чертыхался, снова и снова приглашал подполковника к столу с закусками.

Они познакомились два года назад, когда Самойленко впервые посетил завод. Кроме преферанса никакие общие дела их не связывали, и знакомство поэтому носило характер

легкий, приятный, ни к чему не обязывающий. Осенью и зимой за столом встречались по три раза в неделю — для игры были твердо установлены определенные дни. Летом, как правило, компания распадалась, и приходилось прибегать, как сегодня, к услугам случайных партнеров.

Холостяцкая квартира Межинского была знакома многим чинам Петрозаводска. Рассказывали, что даже сам губернатор Протасьев — большой любитель преферанса, но позволявший себе «игру по маленькой» лишь на званых вечерах и именинах, — не один раз в шутку собирался нагрянуть к штабс-капитану, чтоб лично проверить, не превращает ли нынешняя молодежь эту безобидную и благородную игру в азартную.

Об этом губернатор мог не беспокоиться. Играли здесь в основном для того, чтобы убить время, которого в этом городе было слишком много у каждого, особенно зимой, когда с закрытием навигации Петрозаводск оказывался в три раза дальше от столицы, чем летом. В городе нет ни театра, ни порядочного клуба. Два года назад во вновь отстроенном Народном доме начала давать представления профессиональная труппа, но и само деревянное здание, и репертуар, явно рассчитанный на городских обывателей, не могли удовлетворить запросов образованной публики.

Правда, и этот плюгавенький театрик, который еле сводил концы с концами, требовал внимательного глаза. В погоне за эффектом актеры так и норовили приспособить свои роли к условиям Петрозаводска, загримироваться под известных в городе должностных лиц и копировать их со сцены. Недавно, когда играли пьесу некоего Рышкова «Его превосходительство», то посягнули даже на самого губернатора. Конечно, никакой сознательной политикой тут и не пахло — обычное озорство с расчетом на успех, но скандал едва не дошел до департамента полиции.

Коммерческий клуб на Садовой в полной мере оправдывал свое прозвание «Купеческий», которое давно и напрочно утвердилось за ним чуть ли не официально. Что и говорить о культуре города, если в нем до сих пор нет даже электричества. По ночам зажигают на улицах два десятка керосиновых фонарей, которые горят не столько для света, сколько для обозначения перекрестков.

Что же еще делать в этом городе людям, если не убивать долгие вечера за картами? Особенно в такой ненастный день как сегодня!

Ротмистр Фирсов и Челябинин явились одновременно — веселые, смеющиеся, как будто и не чувствуя вины за опоздание.

— Господа, что же это вы... — начал было Межинский, но Фирсов громовым басом захохотал на весь дом и плюхнулся в кресло.

— Нет, вы только послушайте!.. Только послушайте!.. — в бессилье мотал он головой, указывая пальцем на Челябинина. — Алексей Захарович, повтори! Прошу тебя, повтори!

Сдержанно улыбнувшийся Челябинин разделся, повесил шинель, прошел в гостиную и спросил:

— Вы, господин подполковник, конечно, знаете Яблонского?

Самойленко-Манджаро холодно ответил:

— Если вы имеете в виду социал-демократа Лазаря Яблонского, высланного в прошлом году из пределов губернии, то да, — знаю. В чем дело?

— Нет, нет... Отца его, — уточнил Челябинин.

— Ну и что же?

— Так. Маленький случай. Сам сегодня был свидетелем. Иду это я вдоль Сенных рядов... Там в конце торгуют всякой рухлядью... У этого старика Яблонского, как вы знаете, нет даже ларька — прямо на земле торгует, чем придется... В последнюю неделю цветочные горшки продавал... Стоит это он озябший, с лиловым носом... Сознаюсь, господа, каждый день его вижу и каждый раз жалею старика — все та же дюжина горшков... А сегодня, откуда ни возьмись, появляется впереди меня столичная дама. Я с ней не знаком, но, по-моему, — это супруга нового начальника жандармского управления полковника Криштановского.

— Не тяни, Алексей Захарыч! — взмолился Фирсов. — Суть, суть давай.

— Дама с прислугой... Останавливается у Яблонского, осматривает его горшки и, не спрашивая цены, говорит: «Сколько у вас? Дюжина? Беру все!..» Что же, вы думаете, сделал этот старик? Думаете, обрадовался, стал благодарить? Ничего подобного. Он засуетился, забегал у своих горшков, а потом и спрашивает: «Неужели все сразу? А чем же я завтра торговать буду?»

— Вот именно — чем же! — выкрикнул Фирсов и снова загремел на весь дом. Межинский тоже не удержался, лишь подполковник улыбнулся, скорее из вежливости, и спросил:

— Надеюсь, не это задержало вас на целый час?

— За опоздание — куча извинений! Но я не один, ротмистр — тоже.

— Точность — вежливость королей!

— Господа, господа, прошу закусить и скорее за дело! — заторопил хозяин.

Только сели за стол и не успели сыграть даже первый круг, как раздался телефонный звонок. Фирсов подошел к аппарату и потом позвал:

— Константин Никанорович, вас...

Самойленко-Манджаро, не торопясь, закончил раздавать карты, по привычке заглянул в прикуп и пошел к телефону. Едва он назвал себя, голос Криштановского строго произнес:

— Господин подполковник, прошу вас немедленно прибыть в городское полицейское управление.

— Слушаюсь! — Самойленко-Манджаро подождал, не добавит ли начальник еще чего-нибудь, но на другом конце дали отбой.

Настроение испортилось. Он не сомневался, что случилось что-то серьезное — за последние два месяца это был первый вызов во внеслужебное время.

Игра — бог с ней, хотя за лето он и очень истосковался по хорошей компании. «Прибыть в полицию!» Ясно, какое-то важное происшествие! И то, что Криштановский первым узнал о нем, и то, что сейчас придется приносить извинения и срочно уходить, нарушая компанию и возбуждая у партнеров ненужное и преждевременное любопытство, чего так не любил Самойленко-Манджаро, — все это вдвойне неприятно. И особенно неловко извиняться перед Челягиным, которому он, в сущности, сделал выговор за опоздание. Он хоть и штатский, а все-таки генерал.

— Господа, прошу прощения. Я, к сожалению, должен покинуть вас! — Самойленко-Манджаро сделал общий поклон и добавил, обращаясь к Челягину: — Извините, ваше превосходительство! Служба! — И он в бессилии перед обстоятельствами развел руками.

«Ваше превосходительство» возымело свое действие и было принято не только с удовлетворением, но и с сочувствием к действительно беспокойной службе подполковника.

До полицейского управления на Садовой было совсем близко, но, выйдя на улицу, Самойленко-Манджаро увидел, что управленческий кучер Тихон торопливо разворачивает перед подъездом лошадей. В коляске сидел дежурный жандармский вахмистр.

— Что случилось? — вполголоса спросил подполковник, как только коляска загрохотала по булыжной мостовой.

Вахмистр опасно поглядел на кучера и, склонившись к подполковнику, тихо произнес:

— Покушение, вашскородие!

Самойленко-Манджаро даже побледнел. После прошлогодней истории с сенатором Крашенинниковым, стоившей ему не одной пряди седых волос, но к счастью окончившейся благополучно, это слово было самым страшным. Что за дурацкое наваждение? Не прошло года — и снова...

— Где? Когда? На кого?

Вахмистр снова покосился на кучера, теперь чуть не вплотную приблизил лицо к подполковнику и прошептал:

— Сегодня... На господина Иванова...

— На какого Иванова? — не выдержал подполковник. — Да говори ты громче, черт возьми!

— Слушаюсь! — испуганно дернулся вахмистр, но все-таки опять поглядел на кучера, помялся и в нерешительности прошептал: — На сыщика-с, вашескородие... На состоящего в должности филера унтер-офицера Иванова-с...

— Убит?

— Никак нет. Жив-здоров. Только пальто малость попортили. А так жив-здоров. Пальто, правда, мало надеванное...

Подполковник шумно и облегченно вздохнул. Коляска уже разворачивалась у двухэтажного деревянного здания городской управы на углу Мариинской и Садовой, где располагалось также и полицейское управление, и Самойленко-Манджаро выпрыгнул из нее, не ожидая, пока лошади остановятся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Седьмом вечера Петрозаводске Соборной улице местный мещанин Петр Федоров Анохин восемнадцати лет нагнав двух филеров жандармов Ишанькина Иванова ударил последнего сзади финским ножом в шею безрезультатно распоров только воротник пальто тужурки. Анохин задержан Ивановым...»

Из шифрованной телеграммы в Петербург, командиру корпуса жандармов.

(ЦГА КАССР, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 45/2, лист 9)

ОГЛАВЛЕНИЕ

I ВЫЗОВ

	стр.
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	18
Глава четвертая	27
Глава пятая	36
Глава шестая	48
Глава седьмая	58
Глава восьмая	72
Глава девятая	78
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	106

II ВСЯ ПОЛНОТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

I Возвращение	119
II Два фронта	134
III «На путях монаршего милосердия»	155
IV Доверие	176
V Срочный заказ	190
VI Обстановка накаляется	203
VII Поражение	213
VIII Время действовать	235
IX Вся полнота ответственности	246

III ТРАГЕДИЯ НА ВИТИМСКОМ ТРАКТЕ

Глава первая	263
Глава вторая	277
Глава третья	294
Глава четвертая	302
Глава пятая	310
Глава шестая	320
Глава седьмая	335
Глава восьмая	341

ДМИТРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУСАРОВ

Три повести из жизни Петра Анохина

Редактор *А. И. Кликачев*
Художник *Н. И. Брюханов*
Художественный редактор *Р. С. Киселева*
Технический редактор *К. М. Подъяельская*
Корректор *Л. Ф. Суханова*

Сдано в набор 1/XII 1967 г. Подписано к печати
27/III 1968 г. Е-03670. Бумага 60×84¹/₁₆. № 2
22 печ. л. + вкл. 0,75 п. л. 20,46 усл. печ. л.
+ вкл. 0,68 усл. п. л. 20,74 уч.-изд. л. Изд. № 205.
Тираж 50 000. Заказ 5463. Цена 80 коп.

Карельское книжное издательство
Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1

Типография им. Анохина
Управления по печати
при Совете Министров Карельской АССР
Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Цена 80 коп.